

Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

*Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия**Факультет психологии**Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии**St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia**Faculty of Psychology, Associate Professor of the Department of General Psychology, PhD in Psychological Sciences**julia.psy@gmail.com***АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В Я-НАРРАТИВАХ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ**

Философы культуры и культурологи неоднократно ставили перед психологами вопросы о соотношении индивидуальности человека, его Я, и культуры: (1) существуют ли инварианты Я, сохраняющиеся при любых культурных детерминациях, или культурная относительность личностной идентичности тотальна; (2) в построении субъекта, насколько пассивным материалом выступает индивид по отношению к культурному знаку Я; и (3) необходимо ли постоянное и непрерывное воздействие культурных знаков для сохранения личностной идентичности? Автобиографирование одновременно является культурно-исторической, коммуникативной и экзистенциально-рефлексивной практиками. Будучи помещенным в междисциплинарное пространство исследования, текст автобиографии, как композиционно связанный нарратив, построенный характерными для культуры дискурсивными средствами и коммуникативными паттернами, дает перспективы для сравнительных исследований культурных механизмов конструирования личностной идентичности. В данной статье приводится сравнительный анализ автобиографий россиян трех возрастных групп; представителей трех поколений, рожденных в разные эпохи XX века; тексты были созданы в 1990-е, 2000-е и 2010-е годы в пространстве разных дискурсивных контекстов. Экзистенциально-нарративное направление в психологии сосредоточено на анализе способности человека осмысливать и конструировать время собственной жизни и свою идентичность посредством создания автобиографического текста. Нас интересует то, как в композиции автобиографического нарратива проявляются (i) внутреннее феномено-

логическое переживание жизненного хронотопа (легкого или трудного внешнего мира и сложного или простого внутреннего); и (ii) как культурный контекст формирования личности и речевой контекст эпохи создания текста влияют на способность человека к смысловому согласованию событий жизненного пути и собственной индивидуальности.

Автобиографическое время представляет собой рассказанное время жизни. И как любое повествование, автобиография – это разворачивающаяся во времени структура, ориентированная на создание смысла. Временная перспектива личного жизненного пути человека включается в автобиографиях в контекст определенной культурно-исторической эпохи, и рассказывается типичными для культуры коммуникативными средствами, для того, чтобы в идеале осмыслить эту жизнь и самого себя как целое. Личное время сталкивается в автобиографиях с историческим не только в содержательных перипетиях сюжета, но и на уровне форм. Личная способность к переживанию времени и пространства жизни подвержена культурной детерминации, будучи опосредованной языком и тем самым подвергаясь всем эффектам социального конструирования. Исследование автобиографического времени как междисциплинарного феномена открывает новые перспективы анализа противоречивых трендов становления человека как субъекта, постигающего время своей жизни в контексте и средствами определенной культурно-исторической эпохи.

Ключевые слова: Я-нарратив, темпоральность, временная перспектива, автобиографическое



Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

время, субъект, дискурс, автобиографическая память; автобиография, междисциплинарность; нарративная согласованность, стиль идентичности, нарративная идентичность, поколения, феноменология, Я.

AUTOBIOGRAPHICAL TIME IN SELF-NARRATIVES OF DIFFERENT GENERATION MEMBERS

Autobiographical time as a multidisciplinary phenomenon can show contradictory trends in self-identity processes of modernity. Autobiographical temporality is considered as an existential ability of human mind to process time and synthesize life events and identity in intelligible, meaningful composition. Autobiographical time in self-narratives of three generation (SG, BB, and X) members of three age groups

(20-40; 40-60; 60-80), written in three cultural-historical contexts (discourses of 1990th; 2000th and 2010th) was empirically studied and discussed in theoretical frames of historical cultural, phenomenological and social-cognitive perspectives. Agency reflected in the composition of autobiographical memories and self-views in time as a causal-motivational type of narrative coherence, tends (i) to increase in informational style identity of modern generation and (ii) decrease in discourse demands of historical context from 1990 to 2010 and from SG to X generations. Changing the patterns of auto-narrations might affect the future identity construction processes.

Key words: self-narrative; temporality; time perspective; autobiographical time; agency; discourse; autobiographical memory; autobiography; multidisciplinary; narrative coherence; identity style; narrative identity; generation; phenomenology; Self.

128

Философы культуры и культурологи неоднократно ставили перед психологами вопросы о соотношении индивидуальности человека, его Я, и культуры: (1) существуют ли инварианты Я, сохраняющиеся при любых культурных детерминациях, или культурная относительность личностной идентичности тотальна; (2) в построении субъекта, насколько пассивным материалом выступает индивид по отношению к культурному знаку Я; и (3) необходимо ли постоянное и непрерывное воздействие культурных знаков для сохранения личностной идентичности?¹ Автобиография как объект междисциплинарного исследования может пролить свет на эти вопросы, поскольку автобиографирование одновременно

является культурно-исторической, коммуникативной и экзистенциально-рефлексивной практикой. Экзистенциально-нарративное направление в психологии сосредоточено на анализе способности человека осмыслить и конструировать время собственной жизни и свою идентичность посредством создания автобиографического текста. Основным предметом нашего анализа становится поиск когнитивных, социокультурных и личностных механизмов, которые позволяют человеку осмыслить время жизни.

Текст автобиографии, как композиционно связанный нарратив, построенный характерными для культуры дискурсивными средствами и коммуникативными паттернами, дает перспективы для сравнительных исследований культурных механизмов конструирования личностной идентичности. В данной работе мы приводим результаты сравнительного анализа автобиографий россиян трех возрастных групп; представителей трех поко-

¹ Порус В.Н. Тожество «Я»: конфликт интерпретаций // Перекрестки методов (Опыты междисциплинарности в философии культуры). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. С. 23.



Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

лений, рожденных в разные эпохи XX века; тексты были созданы в 1990-е, 2000-е и 2010-е годы в пространстве разных дискурсивных контекстов. Нас интересует то, как в композиции автобиографического нарратива проявляются (i) внутреннее феноменологическое переживание жизненного хронотопа (легкого или трудного внешнего мира и сложного или простого внутреннего); и (ii) как культурный контекст формирования личности и речевой контекст эпохи создания текста влияют на способность человека к смысловому согласованию событий жизненного пути и собственной индивидуальности.

Автобиографическое время представляет собой рассказанное время жизни. И как любое повествование, автобиография – это разворачивающаяся во времени структура, ориентированная на создание смысла. Временная перспектива личного жизненного пути человека включается в автобиографиях в контекст определенной культурно-исторической эпохи, и рассказывается типичными для культуры коммуникативными средствами, для того, чтобы в идеале осмыслить эту жизнь и самого себя как целое. Личное время сталкивается в автобиографиях с историческим не только в содержательных перипетиях сюжета, но и на уровне форм. Личная способность к переживанию времени и пространства жизни подвержена культурной детерминации, будучи опосредованной языком и, тем самым, подвергаясь всем эффектам социального конструирования. Исследование автобиографического времени как междисциплинарного феномена открывает новые перспективы анализа противоречивых трендов становления человека как субъекта, постигающего время своей жизни в контексте и средствами определенной культурно-исторической эпохи.

Автобиографическое время как феномен междисциплинарного исследования

Я-нарратив, или автобиографическое повествование, позволяет человеку организовать в виде смыслового целого время собственной жизни.

Каковы бы ни были мотивы подобной деятельности (а исследователи «автобиографических импульсов»² насчитывают десятки причин, побуждающих к этому), для решения задачи «на смысл» автору приходится организовывать события жизни: (1) в пространстве социальной реальности; (2) в пространстве внутреннего мира и (3) в пространстве языка. 1. Сторонники «реалистического» взгляда на изучение автобиографий, в первую очередь склонны отнести к ней как к «свидетельству произошедших событий». По возможности проверяя истинность изложенных фактов, они ставят перед собой задачу отразить их композицию, акцентируя свое внимание на помещении личной истории в более широкий контекст истории общества. 2. «Феноменологический подход» к текстам автобиографий открывает исследователям пласт субъективных переживаний и ценностных осмыслений жизненных событий самим автором. Намерения героя и его планы, его отношение к событиям прошлого и настоящего, следы побед и поражений, изменивших его видение себя, – важные темы и ценности, вокруг которых он разворачивает свое повествование композиционно – элементы его самоанализа. Взгляд исследователя здесь следит за процессом поиска смысла жизненного пути автором автобиографии. 3. Культурные инструменты, которые осознанно или неосознанно используются для конструирования подобного смысла, языковые шаблоны, паттерны сюжетов – в центре внимания «социальных конструкторов». Роль языка в отражении организации во времени личной истории и подспудно накладываемые языковыми формами ограничения, не дающие помыслить о повествуемом в ином контексте. Жанровые, стилистические, дискурсивные особенности мысли о времени жизни в данную эпоху и нормативные пути поиска ее смысла занимают специалистов, за-

129

² Allport G. The Use of personal documents in psychological science (NY: Social Science Research Council, 1942). Pp. 69.



БИОГРАФИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ / THE PHENOMENON OF BIOGRAPHY IN CULTURE

Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

мыкая этот круг связи личного и социального в автобиографии.

Автобиографическое время, таким образом, представляет собой сложный феномен междисциплинарного изучения, связывающий феноменологическую, культурно-историческую и когнитивно-дискурсивную перспективы. Автобиографическое время может быть определено как нарративное отображение (нарративный модус) временной перспективы целостного жизненного пути человека в контексте определенной культурно-исторической эпохи, реализованное типичными дискурсивными средствами, для создания интеллигибельной композиционной целостности событий жизненного пути и динамики личной идентичности.

Как любое междисциплинарное явление (см. рис. 1) свой наибольший потенциал для изучения оно открывает для исследователей на стыках областей, выходящих за границы парадигмы: так (i) реализм социальной биографии жизни в определенную эпоху, преломленный через поиск типичных для дискурса метафор времени, может позволить увидеть неожиданные особенности системы объективных общественных отношений того периода; (ii) способ поиска ответов на вопрос «кто Я?», «как стал таким?», «кем буду?», стилистически объединяющий воспоминания о значимых жизненных выборах, этапах биографии, социальном окружении и динамику образов себя в разные жизненные периоды, позволит пролить свет на типичные модели конструирования личной идентичности, характерные для людей определенного поколения и отразить систему ценностей и субъективных отношений; (iii) анализ метафорических репрезентаций времени жизненного пути человека, их образного компонента (в первую очередь пространственных аналогий) и их отображения в нарративе (способе согласования событий во времени) позволит пролить свет на социально-когнитивные механизмы конструирования Я человека как субъекта жизненного пути (в его тождественности и изменчивости, множественности и цельности, индивидуальности и схожести с другими).



Рис.1 Автобиографическое время как междисциплинарный феномен: перспективные области исследований.

130

Три поколения, три возраста, три эпохи – структурная модель репрезентации автобиографического времени в я-нарративах

Нами были подобраны и проанализированы несколько выборок из 197 автобиографических нарративов, собранных Биографическим фондом Социологического института РАН в период с 1990-х по 2010-е, а также 155 кратких автобиографических сочинений и 43 устных биографических интервью, собранных нами в период 2015–2017 гг. Возрастной диапазон испытуемых варьировался от 13 до 80 лет.

Первым этапом нашего исследования был качественный анализ текстов автобиографий с целью выявления типичных способов отражения автобиографического времени в Я-нарративе. Традиционно выделяют четыре типа нарративной согласованности автобиографических воспоминаний во



Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

я-нарративе³: (а) временная (умение выстроить события в хронологической последовательности); (б) биографическая (умение включить в личную историю шаблоны культурно-типичных жизненных сценариев); (в) причинно-следственная (умение отразить в истории причинно-следственные взаимосвязи событий жизни и паттерны «цель – средство») и, наконец, (г) тематическая (умение организовать историю вокруг главной «темы», ценности или жизненного принципа, иллюстрацией к которой будет конкретное жизнеописание)⁴. Освоение этих навыков автонаррации идет последовательно по мере взросления и социализации ребенка в процессе коммуникации с ближайшим окружением. Тематический и каузально-мотивационный типы автонаррации считаются базовыми механизмами процесса конструирования идентичности. Нами было показано⁵ характерные для каждого типа нарративной согласованности образные метафоры автобиографического времени и композиционной организации текста.

М. Джонсон⁶, специалист по когнитивной лингвистике и воплощенному в телесном опыте познанию, утверждает, что в основе метафор времени, как и в основе большинства абстрактных понятий, лежат образные схемы, отражающие первичный базовый сенсомоторный опыт, усвоенный

нами в раннем детстве. Наша телесная связь с пространством, первые перемещения, приложение усилий, осознание верха и низа, близости и удаленности экстраполируются на опыт размышлений о времени и размещения событий в «пространстве» жизненного пути. Нами были исследованы такие базовые образные схемы, отражающие перемещение в физическом пространстве и манипуляцию с физическими объектами как: «путь, траектория», «цикл, круг», «помещение в контейнер», «связь», «усилие», «движение вверх и вниз», «шкала». Были выявлены наиболее типичные образные репрезентации временной перспективы жизненного пути в я-нарративах людей разного возраста.

Мы обнаружили в текстах автобиографий четыре наиболее часто встречающиеся модели композиционной организации текста в соответствии с образной репрезентацией перспективы времени жизни и нарративной согласованностью позиции нарратора, героя и событий жизни: «линейная», «серийная», «векторная» и «арочная». Мы полагаем, что каждая из них соответствует определенному хронотопу жизненного мира человека (по Ф. Е. Василюку). Ф. Е. Василюк⁷ описывал феноменологию переживания внутреннего мира человека как простого или сложного, а внешнего как трудного или легкого. Простой внутренний мир характеризуется однонаправленностью, в один момент времени для человека актуально только одно отношение или намерение; сложный мир предполагает осознание множественности одновременно сосуществующих актуальных потребностей и желаний, их противоречивый характер и невозможность одновременного удовлетворения. Легкий внешний мир предполагает доступность благ и возможность удовлетворения потребностей «здесь и сейчас», трудный – требует разворачивания сложной деятельности по достижению цели «там и тогда». Хронотоп жизненного мира в первую оче-

131

³ Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. *Psychological Bulletin*, 2000, Vol. 126, N5. Pp. 748–769.

⁴ Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. *Psychological Bulletin*, 2000, 126 (5), 748–769.

⁵ Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология и педагогика. 2016. Вып. 1. С. 119–137; Zaitseva J.E. Image schema of time perspective in autobiographical Self-Narratives: narrative coherence and identity styles, The 10th Annual Embodied and Situated Language Processing, Moscow, Russia September 10-12, 2017. Center for Cognition and Decision Making National Research University Higher School of Economics. P. 129-130

⁶ Johnson M. *The Body in the Mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987. 233 p.

⁷ Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.



Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

редь отражает феноменологию субъективного переживания мира, а не его объективные характеристики. По мере личностного развития происходит базовое смещение от легкого к трудному, а от простого к сложному, однако человек может динамично перемещаться между мирами, пребывая в разных состояниях.

Хронотоп (i) *«простого и легкого»* мира чаще всего описывается в автобиографиях в «**линейной**» последовательности событий жизни, композиционно связанных между собой как последовательность «до – после»; маркерами хронологии могут выступать даты, исторические события, возраст – как символические «якоря», знаки, несущие дополнительного контекстуального смысла. Основная связь между образом героя и жизненными событиями по принципу: «что со мной произошло в жизни?». Образная метафора – движение по «извилистой тропе», пути, траектории. Структура отдельных Я-нарративов, описывающих жизненные эпизоды, события часто не полна: представлены финал истории (что произошло в итоге, чем закончилось) и пресс (что мешало), отсутствует эксплицитное описание интенции (что хотел автор, на что надеялся, к чему стремился) и интеграция (какой из этого следует вывод, как эта история повлияла на автора, на дальнейшую жизнь). Описания преимущественно в виде «ландшафта действий» (кто и что сделал), но не «ландшафта сознания» (каковы были намерения, как переживалось, в чем был смысл, что говорит о герое). Повороты в жизненной траектории происходят для героя и автора часто внезапно, даже если инициатором перемен являлся исключительно он сам («Случился подростковый возраст и что-то пошло не так» – ж, 42 г.; «Три года он ждал и наконец у меня пробил час, и я приехала к нему. Мы расписались» – ж, 30 л. В последнем случае это был неожиданный поворот сюжета, поскольку до этого подробно описывались романтические отношения с совсем другим человеком, образ супруга возник в повествовании внезапно, постфактум, как пояснение к свершившемуся событию). Подобное структурирование жизнен-

ного пути часто приводит к переживанию «не-авторства» собственной жизни, формированию образа героя как «жертвы счастливых или несчастных случайностей». Основная размерность этого мира – «здесь-и-сейчас», психические ресурсы терпения и приложения усилий не актуализируются. Отсутствие непосредственной данности жизненных благ, удовлетворения текущей потребности переживается как критическая жизненная ситуация, вызывающая стресс. Косвенно подтверждая данный тезис можно сказать, что нарративный тон таких автобиографий неровный: восторженное изложение отдельных событий прошлого, сменяется тревожным описанием неудовлетворяющей текущей жизненной ситуации, безрадостные перспективы будущего внезапно завершаются описанием сверх-идеализированного жизненного успеха в результате внезапного поворота судьбы. В чистом виде доминирования данного типа согласованности над всеми остальными в выборке старше 24 лет нам не встретилось, только в сочетании с другими типами.

(ii) *«Простой и трудный»* мир чаще описывается в логике успешного / неуспешного прохождения культурного жизненного сценария, реализуемого через «**серии**» событий, характерных для определенного этапа социализации. Жизнь разбита на последовательность блоков «контейнеров»: детство, школьное детство, старшая школа, учеба в вузе, профессиональная жизнь на одной или нескольких работах, серия браков, жизнь детей (и внуков), жизнь в определенной географической локации и т.п. Каждому блоку соответствует определенный нормативный возрастной период и набор требуемых от героя качеств. Причинами их наличия/отсутствия, как и самих жизненных событий часто показаны «объективные» исторические обстоятельства (макро- или микро-истории), требования социума, ближайшего окружения. Основной вопрос: «кто я в сравнении с другими?». Образ времени как «движения по маршруту», прохождение череды «циклов», проход через ряд «комнат». Первые, детские, периоды жизни обычно описаны



Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

в хронологическом порядке, период взрослости как несколько тематических параллелей.

Необходимость решения сценарной задачи вовремя порождает сравнительные эпитеты «рано», «поздно» в отношении жизненных выборов. Возрастные границы этапов переживаются как «стенки», «пороги», «преграды». Фрустрацию вызывает невозможность реализации сценария или противоречия между ролями («Готова была спасать. Я ведь хорошая! А тут у меня ребенок на руках, это же мой крест, мне нужно быть хорошей мамой и женой» – ж, 35). Осмысление отдельных Я-нарративов происходит через ценности нормативной ориентации и интересов расширенной семьи («а мне так хотелось, как у других в благополучных семьях» – ж, 35). Подчеркивается значимость совместно разделяемой интенции, часто употребляется местоимение «мы», объединяющее со значимыми другими («у нас появилась девочка», ж. 43 – в значении взрослый сын завел романтические отношения; «...нас было 8 человек, кто решил учиться дальше» – м, 37; «...мы с подругой поступили» – ж, 43). Частая тема получение одобрения со стороны авторитетных фигур, внутренний диалог с ними на протяжении всей жизни («категорично велел поступать... на любой технический факультет, обязательно на бюджет <...> Я не решилась пойти против его воли. <...> Я подала документы, не разбираясь, куда именно, на факультет, в названии которого было слово «технология». Далее тяжело, но неплохо училась (я привыкла угождать отцу). Пять лет я ненавидела дорогу в институт...» – ж, 35). В теме авторства жизни подчеркивается роль совместного управления жизнью, влияния на нее значимых других, социального окружения, Бога («Я очень поздно стала автором своей жизни и не считаю, что полностью... скорее, в соавторстве вышла моя история» – ж, 35). Субъектность и личное авторство жизни рассматривается как вынужденная мера (напр. результат развода). Метафора времени жизни соответствует образу «традицион-

ного пути» по Н.Д. Арутюновой⁸: то есть «шествию вслед за предками», по направлению к «известному золотому прошлому». Косвенными подтверждениями данного семантического акцента выступают значимость ценностей «хорошо учиться», «быть хорошим учеником», а также включение в автобиографии фигур Учителей и Наставников. Например, часто встречаются яркие образы первых школьных учителей, воспитателей детского сада, первых наставников на работе, дедушек и бабушек, с указанием полного имени-отчества-фамилии, заверении в памятности встреч и жизненных уроков, сохранении теплого и уважительного отношения, а иногда и контакта на протяжении всей жизни, ориентации на их наставления и личный жизненный пример в дальнейшем. «Первая моя учительница Елизавета Александровна сеяла разумное, доброе, вечное, но у меня с ней отношения не сложились... Я любила и до сих пор помню добрых и справедливых воспитательниц Нину Николаевну и Ольгу Александровну...» (ж, 50). Не смотря на содержательные различия гендерных жизненных сценариев, можно проследить общность этого типа согласования у мужчин и женщин.

(iii) Описание «сложного и легкого» мира начинается чаще всего с себя, с представления героя-автора в настоящем времени, а затем «**векторно**» показывается связь между событиями прошлого и его личностью в настоящем или его планами и намерениями и образом ожидаемого будущего. В нарративе прослеживается тема изменений личности от прошлого к настоящему и к будущему; поиск причинно-следственных связей между событиями жизни, намерениями героя, позитивным или негативным исходами и образом я в настоящем, на основе этого также строится отношение к будущему, к жизни в целом и к самому себе. Композиционные перестановки в последовательности рассказывания, переходы от «внутреннего плана созна-

⁸ Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 51–61.



Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

ния» к «плану действия», акцент на намерениях, служат цели построения образа героя повествования как субъекта собственной жизни. Основной вопрос автора: «в чем я изменился и как?», «кем я был, что я сделал и кем я стал?».

Согласно метафоре «нового пути» (по Н. Д. Арутюновой) движение субъекта по жизненному пути обращается из прошлого в будущее, образ «предшествующего» как прошлого «идущего перед», сменяется «предстоящим» будущим. Все новое и неизвестное таким образом приобретает ценность. Противоречие в векторе движения потока времени и взросления человека проявляется в одновременном движении навстречу новым поколениям и собственной старости: «Но ведь старость тоже кончается когда-то. Поэтому сейчас надо будить еще в себе способности, желанья, общаться с родственниками, знакомыми, природой <...> Чаше надо общаться с молодежью, она легче приспосабливается к новому. Глядишь и тебя подтянет» (ж, 74 г.) Местоимение «я» звучит значимо чаще, чем «мы». Большая часть глаголов в форме активного залога. Описания значимых других – без упоминания имен собственных, скорее категориальные обозначения сообществ: «коллеги», «друзья», «любимые люди», «племянники». Экзистенциальная тема авторства жизни обосновывается через примеры личный выборов: («Я решила», «Я без сожаления оставила», «...мне удалось поступить работать», «Я нашла аллею метров 200, очистила ее от хлама и гуляю по ней» – ж, 74 г.). Фрустрацию вызывают трудность выбора и отсутствие интереса. Такой тип временной перспективы – «текстообразующий», создающий образ героя, его идентичность.

(iv) «Сложный и трудный» мир описывается в рассказах высокой тематической согласованности, где автор ставит перед собой задачу показать одновременно множественность и разнообразие периодов жизни и цельность, тематическое единство композиции жизненных перипетий, выборов и личности героя. Как правило для решения данной задачи автором избирается путь указания

контекста индивидуальной жизни в рамках «мира» большего масштаба: времени культурно-исторического, экзистенциально-ценностного бытия, космического природного существования. Организация текста «арочная», с частыми переходами от будущего к прошлому и к настоящему; ведущая ценностная тема обычно повторяется неоднократно: в виде метафоры в конкретной ситуации детства, в виде актуальной темы истории настоящего и в виде обобщенного ценностного суждения о будущем или о других людях. Часто представлена явная рефлексия, указывающая на семантическое сходство различных эпизодов жизни, образов своего я, а также наставлений, полученных от значимых других, из книг или извлеченных самостоятельно из «жизненных уроков»: «Я ещё тогда подумывал, что буду таким же как мой отец. И у меня так и вышло, мне сейчас 54 года, и я не пью спиртного и никогда не курил.» – м, 54.). В отличие от формализованных культурно-символических «моральных суждений», присущих, в том числе «серийному» биографическому типу, ценностный смысл в историях данного типа непротиворечиво вытекает из композиционного сочетания описаний личности и ее жизненных выборов. Метафора времени и пространства жизненного пути – «движение в трехмерном пространстве, наблюдаемое сверху». Такой взгляд сверху на жизнь как целое позволяет оценить жизнь как «единый паттерн», «драматургию»; «музыкальную тему с вариациями» «карту местности с указанием маршрутов», «купол сувенирного шара». Время рассказа часто переключается с прошедшего времени рассказа, на настоящее время «драматизации», тем самым рассказ приобретает динамику, отражая «быстрое и медленное» течение времени. При этом хронологически длительные периоды могут быть сокращены до короткой ремарки в повествовании, а отдельный эпизод разворачиваться почти в реальном времени («В 26 лет женился удачно, был счастлив 17 лет, двое сыновей. А дальше мою жизнь закрутило, завертело, заломало – тяжелейшее испытание перенёс» – м, 54). Основной вопрос тематического Я-нарратива:



Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

«Ради какой ценности я жил?». В текст часто включен рассказчик, как рефлексировующий, вспоминающий, относящийся сейчас и тогда к определенным событиям, из которых делаются обобщающие выводы о людях, мире или самом себе (точнее эти эпизоды призваны их проиллюстрировать): «Помню пришёл я со школы...» (м, 54). Может быть подчеркнуто изменение отношения к происходившим событиям, переосмысление. Авторство жизни признается не за героем, но за нарратором. Арочная структура значимо чаще встречается у людей более старшего возраста. Эти данные согласуются с результатами исследований процессов конструирования идентичности посредством формирования нарративной согласованности⁹.

На втором этапе эмпирического исследования автобиографического времени мы анализировали роль трех факторов: (1) возраста (на момент написания), (2) культурно-исторического периода формирования личности (принадлежность к поколению, даты рождения), (3) культурно-исторического контекста написания автобиографии (дата написания автобиографии).

Для построения модели (SEM) нами были взяты три возрастные группы: а) ранняя взрослость 24-40 лет б) средняя взрослость 41-60 лет; в) поздняя взрослость 61 – 80 лет. Модель строилась на 48 людях (27 ж и 21 м). Дата рождения испытуемых варьировалась от 1916 до 2003 года, изучались представители поколений: GG (величайшее поколение, 1900-1923 г.р.), SG (молчаливое поколение – 1923-1943 г.р.); BB (бэби-бумеры - 1943-1963 г.р); X (поколение X – 1963-1983 г.р) и Y (поколение Y, 1984-2003). Для построения модели были взяты три: SG, BB и X. Культурно-исторический контекст написания автобиографии был представлен тремя группами: 1990-е, 2000-е и 2010-е годы.

В качестве основных элементов модели были выбраны параметры: 1) ведущего типа narra-

тивной согласованности, объединяющих события жизни и идентичность героя автобиографии в целостное Я-повествование, реализующее определенный тип метафорической репрезентации времени в пространстве жизненного мира взрослого человека; 2) стилей конструирования личной идентичности.

Каждый текст автобиографии был проанализирован 4 экспертами независимо. Нами были модифицированы кодировочные инструкции нарративной согласованности по Allé¹⁰ (7-бальная оценка 4 типов согласованности): учтена и усилена роль базовой образной схемы, составляющей основу метафорической репрезентации времени. Интерпретативный феноменологический анализ применялся для выявления стиля конструирования идентичности. Также отдельно отмечалась включенность личного и исторического времени в повествование, характер их взаимосвязи. Проводился нарративный анализ отдельных эпизодов биографии и Я-нарратива в целом, а также дискурс-анализ текстов для выявления основных «слов времени», использованных авторами, – языковых маркеры, относящиеся к репрезентации временной согласованности в тексте.

Идентичность может быть множественна, а жизнь человека – поли-исторична. Согласно модели М. Берзонского¹¹ процесс конструирования личной идентичности не оканчивается в подростковом возрасте, а продолжается на протяжении всей жизни современного человека. На различных этапах, в зависимости от жизненных обстоятельств доминируют стратегии: (а) сохранения достигнутой самостождественности; (б) поиска и формирования новой идентичности; и (в) переконструирования сформированной в определенной сфере

⁹ Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. *Psychological Bulletin*, 2000, 126 (5), 748–769.

¹⁰ Allé M.C., Potheegadoo J., Köber C. et al. Impaired coherence of life narratives of patients with schizophrenia // *Scientific Reports*. 2015 Vol. 5. Pp. 12934.

¹¹ Berzonsky M. Social-cognitive perspective on identity construction// *Handbook of identity theory and research*/ S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (Eds.) NY: Springer. 2011. Pp. 55–77.



Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

идентичности В качестве устойчивой личностной переменной взрослый человек может сформировать предпочитаемый стиль конструирования идентичности по преобладанию одной из этих функций над двумя другими. Информационный стиль отражает тенденцию к поиску новых ответов на вопрос «Кто Я», нормативный – консервативную стратегию сохранения имеющихся; а диффузный – готовность к отказу от глобальной самотождественности, предпочтение ситуационных решений, готовность к тактическому пересмотру систем ценностей и целей, а также к отсутствию связи между глобальным образом Я и текущими жизненными решениями. Нами были обнаружены¹² особенности жизнеописаний, характерные для людей с информационным, нормативным и диффузно-избегающим стилями (по М. Берзонски).

На уровне статистической тенденции была получена следующая модель (см. рис. 2), объединяющая исследованные параметры. Также был проведен кластерный, дискриминантный и множественный дисперсионный анализ для выявления значимости различий между группами.

А) Сравнение возрастных групп показало увеличение с возрастом количества тематически согласованных автобиографий и уменьшение диффузно-избегающего стиля.

Б) Сравнение людей поколения SG (1944-1963 г.р.), ВВ (1964-1983 г.р), Х (1984-2003) показало при переходе к более близким к современности поколениям тенденцию к значимому снижению частоты тематического и каузально-мотивационного типа организации структуры повествования («арочного» и «векторного») и преобладанию темпорально-хронологического и биографического («линейного»).

В) От 1990-х к 2010-м на уровне статистической тенденции было получено снижение частоты использования каузально-мотивационного («векторного») типа; одновременным увеличением количества людей, выбирающих информационный стиль. Сила связей была сравнима по выраженности: дискурсивный контекст влиял на каузальный тип согласованности отрицательно ($\beta = -0,46$), информационный стиль – с той же силой положительно ($\beta = +0,46$).

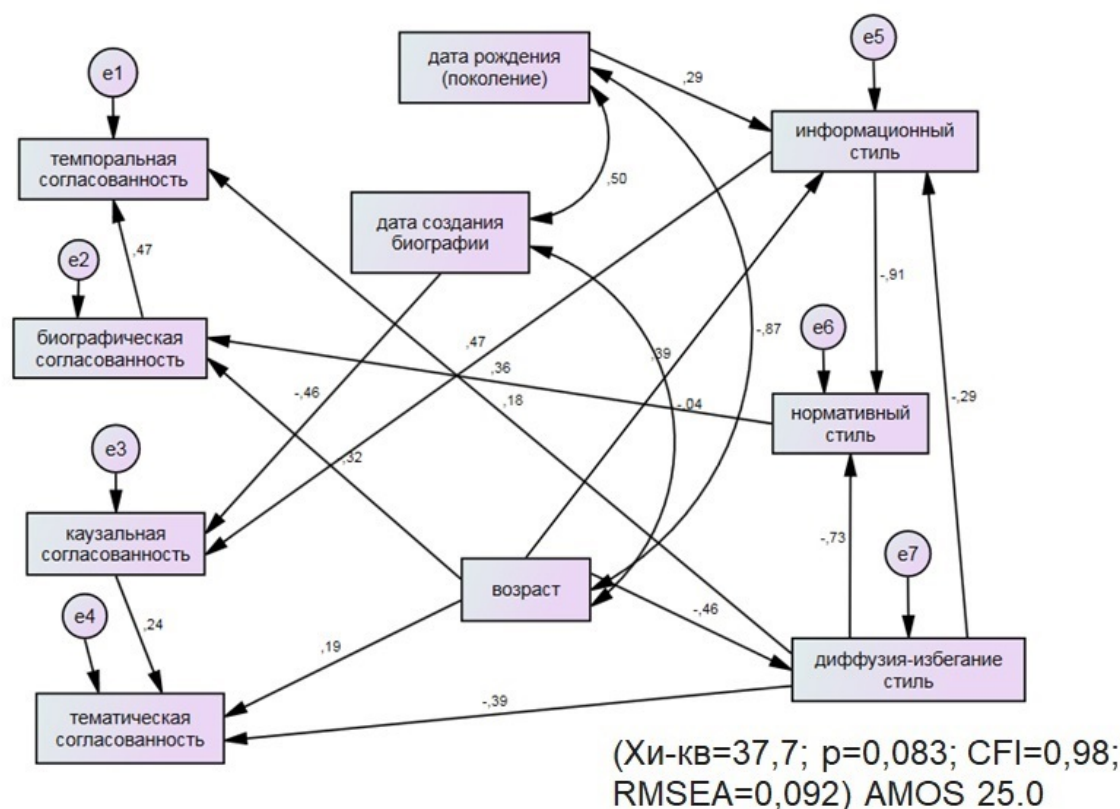
Таким образом, мы получаем противоречивую тенденцию: более современные поколения были более склонны к осознанному и открытому поиску новых идентичностей, что делает более вероятным выбор «векторной» организации я-истории, отражая «эпицентрическое время» авторства своей жизни; однако с каждым из последних трех десятилетий эта практика уходит из дискурса. Растущая степень смысловой неопределенности приводит к росту «линейных» хронологических попыток описать время, отказу от поиска композиционного смыслового единства через образ героя повествования. Количество тематически осознанно структурированных нарративов при этом в каждой подвыборке остается примерно равным. В целом именно для тех людей, кто ведет активный поиск ответа на вопрос «кто я», «кем я могу еще быть» предлагаемый современной культурой инструментарий сохранения самотождественности оказывается менее подходящим, уводя от логики конструирования «Я» как причинного и цельного, обладающего моральной ответственностью рационального субъекта; и поддерживая архаичный сценарий (размытое «мы») или множественный (сетевой, локальный) образы Я.

¹² Зайцева Ю.Е. Модель нарративного анализа стиля идентичности // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология и педагогика. 2016. Вып. 4. С. 6–22.



БИОГРАФИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ / THE PHENOMENON OF BIOGRAPHY IN CULTURE

Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

137

Рис. 2. Модель дискурсивных и нарративных особенностей конструирования личной идентичности в автобиографиях в зависимости от возраста, принадлежности к поколению и культурно-исторического периода.

Интересно, что последний (диффузный) стиль конструирования идентичности обладает, на наш взгляд, двойственным потенциалом. С одной стороны, он отражает тенденцию к регрессу (к более инфантильным детским стратегиям, укороченной временной перспективе, к отказу от дискурсивного требования построения нарратива цельного морального субъекта), с другой – при условии полноценного освоения двух других стратегий конструирования идентичности – может отражать потенциал предельной гибкости человека «изменчивого человека и изменчивом мире», его способности к мгновенной деконструкции окружающего

дискурса и смене/переключению идентичности. Такой человек готов к осознанному переключению «модальностей» своего Я, а также к перестроению, пере-собираанию своей личной истории в контексте новой жизненной задачи. Однако, это требует высокой способности к рефлексии, гибкого владения разнообразными культурными инструментами авто-нарратива, а также экзистенциальной зрелости – включающей толерантность к неопределенности, готовность выбирать неизвестное, способность оставаться включенным, искать новые типы контроля, принимать реальность в различных ее формах.

Обнаруженные нами тенденции отражают особенности современного дискурса, изменение культурных практик автобиографирования, и в некоторой степени новые тренды в конструировании



Юлия Евгеньевна ЗАЙЦЕВА / Julia ZAITSEVA

| Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Autobiographical Time in Self-Narratives of Different Generation Members |

нарративной идентичности. А именно, противоречивые тенденции: роста требований к субъектности в поиске новых идентичностей (информационный стиль конструирования Я) и одновременного отказа от инструментов автонаррации, предполагающих композиционное единство событий жизни и образа героя как связанных мотивационно-каузальным образом («векторная» организация автобиографического времени). Проведенное эмпирическое сравнение автобиографий представителей трех возрастных групп, трех поколений (GS, BB, X), созданных в культурном пространстве дискурса

1990-х, 2000-х и 2010-х позволило также протестировать междисциплинарную методологию, связывающую феноменологическую, культурно-историческую и когнитивно-дискурсивную перспективы. Исследование автобиографического времени как междисциплинарного феномена открывает новые перспективы анализа противоречивых трендов становления человека как экзистенциального субъекта, постигающего время своей жизни, в контексте культурно-исторических особенностей современности.

